

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ

Носова Е.С.

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ СУДА ЕС НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Суд Европейского союза создавался для разрешения правовых споров государств-членов Европейского Союза, для обеспечения соблюдения и единообразного толкования правовых актов, но, с течением времени, его роль стала расширяться. Анализируя судебные дела, рассмотренные Судом ЕС, можно заметить, что в какой-то момент своей деятельности, в отсутствие конституции, Суд принял на себя роль некоего стороннего законодателя, расширил отведенный ему круг прав и обязанностей, став, таким образом, институциональным субъектом беспрецедентного характера. Объектом исследования данной статьи является роль Суда ЕС в становлении и развитии права ЕС. Предметом исследования являются нормы права ЕС, судебные дела, рассмотренные Судом ЕС, а также автор особое внимание уделяет мнениям авторитетных российских и зарубежных ученых в области европейского права. Методологией данного исследования являются методы системного, сравнительно-правового и логического анализа. В данной статье, в продолжение своего научного исследования, автор анализирует теоретические основы существования данного явления в современном мире, а также определяет роль Суда ЕС через призму его современных судебных решений. Особым вкладом автора в исследование темы является сравнительный анализ позиций авторитетных ученых в отношении актуальной роли Суда ЕС и влияния его решений на становление и функционирование Европейского союза в целом; исторический генезис и теоретические основы возникновения данного явления, а также определение понятия «судебного активизма» через призму судебных решений Суда ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Суд Европейского союза, принципы права ЕС, толкование норм права, защита прав человека, судебная практика, принцип недискриминации, функционирование ЕС, верховенство права, прямое действие.

Abstract: The European Court of Justice was created to resolve legal disputes of the European Union Member States in order to ensure compliance and uniform interpretation of regulations, but with the passage of time, its role has been expanded. Analyzing court cases reviewed by the Court of Justice, the one can see that at some point of its activities, due to the absence of the Constitution, the Court has assumed the role of the legislator, has expanded allotted range of rights and obligations, thus becoming, institutional personal of unprecedented nature. The object of this article is to study the role of the EU Court of Justice in the development of EU law. The subject of research are the rules of EU law, Court decisions, also the author pay attention to the views of prominent Russian and foreign scientists in the field of European law. The methodology of this study are systematic methods, comparative legal and logical analysis. In this paper, the author

analyzes the theoretical basis for the existence of this phenomenon in the modern world, and defines the role of the EU Court of Justice in the light of its contemporary judgments. The special contribution of the author in the research topics is the comparative analysis of the positions of authoritative scientists in relation to the actual role of the EU Court of Justice and the impact of its decisions on the establishment and functioning of the European Union as a whole; historical genesis and theoretical basis of the occurrence of this phenomenon, as well as the definition of "judicial activism" through the prism of the concept of judicial decisions of the Court of Justice.

Keywords: *Non-discrimination principle, court practice, human rights protection, rule of law interpretation, EU law principles, EU Court of Justice, European union, EU functioning, supremacy of law, direct effect.*

Первоначальной целью создания Суда Европейского союза (далее – Суд, Суд ЕС) было «обеспечение соблюдения права в ходе толкования и применения Договоров»[2]. Тем не менее, на протяжении многих лет, Суд постепенно расширял сферу своих полномочий, и возможность нового толкования договоров превратила его в один из важнейших институциональных субъектов Европейского Союза (далее – ЕС). Введению новых правовых принципов способствовало изменение Суда в рамках ЕС (в зависимости от исторического контекста под ЕС подразумевается Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество или Европейский союз). В отсутствие конституции, судебная активность, продемонстрированная в прецедентном праве, подтвердила стремление Суда ЕС к укреплению права ЕС и дальнейшей защите прав человека. Эволюция судебной практики Суда через призму принятых решений, должна быть рассмотрена в важных хронологических моментах, с тем, чтобы оценить степень наличия расширенного толкования права ЕС Судом, а так же степень превышения полномочий при осуществлении своей деятельности.

Говоря об историческом развитии данной проблемы, необходимо отме-

тить период от создания Европейского Сообщества вплоть до начала 1980-х годов. Политический фон, существовавший в это время, сыграл важную роль в возникновении новых подходов Суда. Отсутствие консенсуса в отношении сути Договора о ЕС, и наличие различных мнений относительно «raison d'être» нового правопорядка привели к политическому и правотворческому бездействию.

Суд должен был вмешаться, чтобы предотвратить распад правопорядка путем внедрения фундаментальных принципов и их поддержки на практическом уровне. Неопределенность права ЕС вынудила Суд принять решение о его толковании. В одном из ранних прецедентов, в Деле № 6/60 Humblet, Суд четко заявил, что недостаточно учитывать имеющиеся толкования, и Суд считает необходимым рассмотреть вопрос о том, подтверждается ли существующее толкование другими критериями, в частности, общими намерениями договаривающихся сторон и ratio legis [абзац 2]. Как Суд постановил в своем решении по Делу №14/68 Walt Wilhelm «обязательная сила Договора не должна различаться от одного государства к другому, чтобы функционирование системы Сообщества не препятствовало достижению целей Договора» [абзац 6]. На основании данного решения

Суд разработал свое прецедентное право для того, чтобы, как отмечал Хартли в своей работе «Federalism, Courts and Legal System: the Emerging Constitution of the ЕС», иметь возможность изменять право без колебаний, даже если это повлечет принятие решений отличающихся от норм, предусмотренных Договорами.

Решение по Делу №120/78 *Cassis de Dijon*, ставшее основополагающим в праве ЕС, также представляет собой толкование Договора. Как отмечает С. Седэлмейр: «если бы не дело *Cassis de Dijon*, евроклероз вполне мог бы застопорить внутренний рынок» [36, с.59]. Наиболее спорным аспектом, который был учрежден в правовой практике суда, стал принцип прямого действия, непосредственно связанный с выполнением норм Директив. В конструктивном прецеденте по Делу № 26/62 *Van Gend en Loos* Суд подчеркнул, что решение считается правомерным, если соблюдается дух и формулировка положений внутренних договоров и директив ЕС. Суд постановил, что Союз представляет собой новый международный правопорядок, в пользу которого государства ограничили свои суверенные права в определенных областях, и субъектами которого являются не только государства-члены, но и их граждане. Право Союза вне зависимости от законодательства государств-членов не только налагает обязательства на частных лиц, но также наделяет их правами, которые становятся частью их правового состояния. Эти права возникают не только в том случае, когда они прямо выражены в Договоре, но также вследствие обязательств, которые Договор строго определенным образом налагает на частных лиц, равно как на государства-члены и институты Сообщества. Приведенный выше пример показывает наличие телеологического подхода к интерпретации,

который используется судом при принятии своих решений.

Вторым важным случаем, который иллюстрирует превышение полномочий, является Дело № 6/64 *Costa v. ENEL*, в котором была установлена концептуальная основа верховенства права Союза. Здесь Суд вновь следовал телеологическому, а не текстовому подходу, подчеркнув соблюдение целей ЕС. П. Крейг и Г. де Бурка прокомментировали решение Суда по этому делу: «Решение суда было смелым шагом для поддержания своей собственной концепции правопорядка, утверждающего, что государства-члены ограничили свои полномочия и передали свой суверенитет институтам ЕС» [23, с.346]. Доктрина верховенства права Союза получила дальнейшее развитие в Деле № 11/70 *Internationale Handelsgesellschaft* и в прецеденте № 106/77 *Simmenthal*, где Суд ЕС разъяснил, что принцип верховенства права ЕС должен применяться, раз все государства-члены отказались от части компетенции в пользу Союза, они не могут изменять при имплементации содержание норм права ЕС, оно должно действовать самостоятельно, а государства-члены лишь могут издавать акты, основанные на нем. Суд поддержал контекстное толкование законодательства ЕС и в Деле № 283/81 *CILFIT*, что и привело к появлению понятия «телеологическое толкование». Согласно этому подходу, суд истолковывает положения договоров и права ЕС, опираясь на цели или задачи ЕС. «Метод, который Суд часто использует для восполнения пробелов в Договорах ...» – отмечает С. Дуглас – Скотт в книге «Constitutional Law of the European Union», – «творческое контекстуальное толкование Судом Договоров есть не что иное, как судебное законотворчество в действии» [35, с. 209]. Кроме того по мнению Дугласа – Скотта, Суд своими решениями дополнил

текст Договоров. Эта точка зрения описывает важную роль, которую Суд ЕС сыграл в интеграции Союза.

Принципы, закрепленные в деле *Simmenthal*, применили и дополнили решение по Делу № С-213/89 *Factortame*. Данные решения имели далеко идущие последствия, которые охватили широкий спектр правовых вопросов и вопросов государственной политики. В разбирательстве по делу *Factortame*, было решено, что законодательство ЕС должно иметь приоритет над внутренним законодательством в случае фактического или возможного столкновения между ними. В похожих прецедентах, в более раннем Деле № 14/83 *von Colson* и Деле № С-106/89 *Marleasing*, Суд ЕС постановил, что физические лица могут требовать возмещения убытков от государств – членов, которые не в состоянии следовать Директивам ЕС. В частности, в деле *Marleasing*, Суд отметил, что государства-члены обязаны толковать национальное законодательство в соответствии с европейскими директивами, даже если они еще не инкорпорированы в национальное законодательство.

Серия из трех судебных решений, которые затрагивают фундаментальные вопросы, касающиеся подходов Суда в толковании, и иллюстрируют его подходы к применяемому праву, состоит из прецедентов: С-145/88 *Torfaen*, С-312/89 *Union Departmentale des Syndicats and C-332/89 Ministère Public*, которые известны как «Случаи воскресной торговли» (*Sunday Trading Cases*). Научные дискуссии, которые последовали за решением по делу *Torfaen*, были в первую очередь связаны с толкованием статьи 28 ДЕС (статья 34 ДФЕС) и с ее теоретическими и прагматическими последствиями. Л. Гормли в «*Case Study of Torfaen Borough Council v. B & Q plc*» отметил, что рассуждения Суда ЕС

в *Torfaen* были недостаточно ясными и в решение необходимо было применить «основной принцип Дела № 8/74 *Dassonville* с учетом правила разумности», и считает, что данный прецедент представляет собой пример фрагментарной юстиции [21, с.149].

В последние годы, Суд находился под влиянием политического ренессанса. Изменения в рамках политического спектра подчеркнули сферу его действия. Тем не менее, Суд стал осуществлять более стабильный и ограниченный подход к выносимым решениям вместо продолжения курса, разработанного в предыдущие годы.

Спорное решение по Делу № С-6&9/90 *Francovich* широко критиковали, называя его политическим. При вынесении решения по данному прецеденту Суд создал понятие ответственности государства, заявив, что существует необходимость наличия механизма взыскания с государства ущерба, причиненного неисполнением общеобязательных норм права ЕС, поскольку только так можно обеспечить реальное их исполнение. В противном случае, под сомнение будет поставлено само существование Союза. Данный прецедент был внимательно изучен как один из наиболее очевидных примеров классического превышения полномочий Судом ЕС [30]. Суд ЕС признал, что соответствующие положения Директивы № 80/987 в данном вопросе не действуют непосредственно, и сослался на свои предыдущие решения в *Costa v. ENEL*, *Van Gend en Loos*, *Factortame* и *Simmenthal*. Он постановил, что государства-члены должны принять все меры общего или специального характера, необходимые для выполнения обязательств, наложенных на них правом ЕС. К числу такого рода обязательств относится также устранение всех последствий неправомерного нарушения права ЕС.

Несомненно, решение по Делу № 6/90 *Francovich* спровоцировало большое число

критических статей, которые были направлены против самой природы вынесения таких судебных решений. М. Росс утверждает, что наиболее вероятный вклад дела *Francovich* в деятельность Союза состоит в том, что оно конституционно по своей сути. Таким образом, Суд в одностороннем порядке объявил новый набор «правил», которые превосходят по своему значению основные институциональные структуры, содержащиеся в Договорах. Более того, данные решения, способствующие укреплению частноправовой сферы, способствуют накалу политических дебатов по поводу конституционных и демократических вопросов в ЕС. Так же дело *Francovich* представляет собой важный сдвиг в сторону большей координации и использования права национальных правовых систем в общей системе Союза.

Переосмысления политики Суда произошло в Деле № С-267/91 и 2-268/91 *Keck*, где он четко указал, что принятое решение было «вопреки тому, что [было] ранее было решено». Это был первый случай, когда Суд указал на отмену своего предыдущего решения. Эти случаи являются достаточным доказательством превышения своих полномочий Судом ЕС, направленного на обеспечение более эффективных средств правовой защиты, и отражающего примеры преимуществ и пределов судебных решений в сфере европейской интеграции.

Приведенные выше наблюдения были подкреплены решением по Делу № С-334/92 *Wagner Miret*, которое представляет собой признание со стороны Суда того факта, что национальные суды не всегда могут толковать внутреннее законодательство в соответствии с Директивами ЕС. Точно так же в Деле № С-91/92 *Dori El*, Деле № С-192/94 *Corte Inglés*, Деле № С-111/97 *Evobus Austria* и Деле № С-81/98 *Alcatel*

Austria суд уточнил пределы толкования Договора национальными судами.

Очевидно, что Суд ЕС продолжил развитие прецедентного права на индивидуальной основе, и создал новые методы применения права ЕС. В решение по делу *Francovich* была внесена окончательная ясность при вынесении решения по Делах № С-46/93 и 48/93 *Brasserie du Pêcheur*, где Суд продолжил ранее взятый курс, определяющий, что государства-члены обязаны возместить ущерб, наступивший в результате законодательных актов, принятых в нарушение непосредственно действующих положений Договоров. Кроме того решение по Делу № С-185/97 *Coote* в равной степени демонстрирует готовность Суда сформулировать обязательство по толкованию и обеспечить жесткий контроль над толкованием права ЕС в национальных судах.

Принцип государственной ответственности был расширен в Деле № С-224/01 *Kobler*, где, опираясь на эффективность права ЕС, Суд принял решение, что в свете важной роли судебных органов в защите прав отдельных лиц, полная эффективность права Союза будет ставиться под сомнение, и защита прав лиц будет ослаблена, если люди не смогут, при определенных условиях, получить встречное удовлетворение, когда их права затрагиваются нарушением права ЕС, в таком случае решение Суда ЕС рассматривается как решение последней инстанции. В Деле № С-397–403/01 *Pfeiffer* было определено, что при использовании принципа толкования в соответствии с правом Союза, от национальных судов требуют принятия всевозможных действий, лежащих в пределах их юрисдикции, с учетом смысла норм национального законодательства в целях обеспечения прямого действия Директив. Правда, стоит отметить, что в

отличие от предыдущих решений, в Деле № С-105/03 *Purino* Суд ЕС постановил, что толкование норм права национальным судом было применено правомерно, такое неожиданное решение Суда ЕС является скорее исключением из общей тенденции, чем правилом.

Критика судебной деятельности на основании некоторых из его решений достаточно противоречива, так как с одной стороны, Суд критикуют за превышение своих полномочий при разработке принципа прямого действия, а с другой стороны, также критикуют за ограничение эффекта обратной силы в своем решении по делу № С-43/95 *Defrenne*. Но ограничение эффекта обратной силы может только смягчить последствия законодательной деятельности Суда ЕС. В решении по Делу № С-43/95 *Defrenne* представлен пример прагматичного подхода Суда ЕС в попытке определить принцип из общих положений Договоров.

В период после введения в действие Договора о ЕС 1992 года до настоящего времени ЕС находится в центре политических дебатов. С этого момента произошли важные изменения, которые усилили интеграцию в ЕС в связи с расширением Союза. Государства-члены приняли активные действия по улучшению положения прав человека и их защиты, что привело к имплементации Лиссабонского договора в 2007 году. Конституционные вопросы, связанные с конституционным будущим Европы были также в центре обсуждения. Но в результате Конституция для Европы так и не была принята.

Широкое целенаправленное толкование Судом ЕС Договора о ЕС, а также активное и постоянно превышение своих полномочий спровоцировало критику так называемого «судебного активизма», судебная практика, которого установила новые

принципы права ЕС. Ученые – юристы не смогли дать точного определения понятию «судебного активизма» и, тем не менее, они широко использовали его в оценке Европейского суда и его решений (например, Рассмусен, Вейлер). Потребность в определении понятия «судебного активизма» была признана во время симпозиума 1995 года на тему «Роль развивающегося Европейского суда»[24]. Отправной точкой для размышлений стало выступление сэра Патрика Нэйла под названием: «Европейский суд: тематическое исследование судебного активизма»[29]. Один из ранних критиков Европейского суда был Х. Расмуссен, который считал, что суд «вдохновлен руководящими принципами, которые по своему существу имеют политическую природу и, следовательно, не могут быть применимы в судебном порядке. Это – корень судебного активизма, который может, в конечном счете, привести к узурпации власти». Сэр Патрик Нэйл также критиковал Европейский суд за использование судебного активизма, утверждая, что суд является опасным институтом, который следует своим собственным политическим соображениям и управляется элитой.

Трудности во внесении изменений в положения Договоров, в создании новых норм права и в изменении действующего права с тем, чтобы восполнить существующие пробелы, вынудили Европейский суд отойти от доктрины *stare decisis* и приступить к судебному активизму, чтобы иметь возможность принимать решения по вопросам, поставленным перед Судом. Более того, в отсутствие конституции, у Европейского суда остался большой простор для использования судебного усмотрения при принятии решений. Благодаря изменяющимся потребностям времени, Европейский суд выносит реше-

ния, расширяющие его полномочия в тех областях права ЕС, которые не регулируются нормами права ЕС.

Статья 267 ДФЕС (бывшая статья 234 ДЕС) подняла вопросы о законности таких решений Суда ЕС. В прецедентном праве Европейский суд расширил свою роль и компетенцию в тех сферах, в которых были ограничения в соответствии с положениями международных договоров. Важным ограничением на применение судебного активизма Европейским судом стал тот факт, что в предварительных процедурах при вынесении решений, роль Суда заключается в обеспечении верного толкования права ЕС, а не в изучении фактов. Суд также не должен вмешиваться в вопросы, находящиеся в компетенции национальных судов.

Академические споры, связанные с судебным активизмом, проиллюстрировали наличие теоретического дефицита, связанного с отсутствием определения понятия судебного активизма. После изучения теоретических основ и исторического генезиса данной проблемы, можно сказать, что под судебным активизмом (англ. *judicial activism*, нем. *juristischer Aktivismus*, фр. *activisme judiciaire*) понимается деятельность суда, выраженная в виде судебных решений и постановлений, которые выносились на основе личных или политических соображений, на внутреннем убеждении судьи, а не на существующем праве. Иногда используется в качестве противопоставления судебному запрету.

Подводя итог, можно сказать, что превышение компетенции Европейским судом может быть раскритиковано только на основаниях, связанных с якобы генерируемой им законотворческой деятельностью. Кроме того, вопросы законности подверглись серьезному анализу в плане того, может ли Европейский суд действовать без законодательного закрепления своей

деятельности. Связь между законностью и принятием/выполнением судебных решений является одним из ключевых вопросов, возникающих в этой связи. Европейский суд играет важную роль в интеграции Европы. Судебная практика Европейского суда постепенно отходит от проводимого им курса и принимает политический оборот. Помимо судебной функции, Европейский суд также играет важную политическую функцию, которую не в полной мере оценили в европейской и международной юридических науках. Кроме того, признание политической основы создания Европейского суда необходимо, чтобы полностью понять динамику судебных решений в Европейском Союзе и эволюцию правовой системы ЕС в целом. Широкий круг вопросов, которые входят в компетенцию Европейского суда, часто включает в себя политические вопросы или вопросы политического происхождения. Однако, несмотря на политические ограничения, Европейский суд в значительной степени обладает независимостью и автономностью от политики.

В заключение хотелось бы отметить, что у Суда ЕС не было иного выбора, кроме как расширить свои полномочия и прибегнуть к «судебному активизму», в противном случае, Европейский Союз не достиг бы того уровня правового развития, на котором он находится в данный момент. Суд ЕС своими решениями оперативно закрывал бреши, существовавшие в праве ЕС в тот или иной момент времени. Можно долго критиковать такую деятельность Суда, но нельзя не подчеркнуть, что само существование и процветание Европейского союза как институционального субъекта было бы поставлено под вопрос, если бы в определенный момент времени Суд ЕС не пошел на рискованный шаг и не воспользовался возможностью расширить пределы своей компетенции.

Библиография:

1. Договор о функционировании Европейского союза;
2. Договор о Европейском союзе 1992 года (в редакции Лиссабонского договора);
3. Дело 26/62 NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration [1963];
4. Дело 6/64 Flaminio Costa v. ENEL [1964] ECR 585;
5. Дело 2/74 Reyners v. Belgium [1974] ECR 631;
6. Дело 106/77 Amministrazione delle Finanze dello Stato v. Simmenthal SpA [1978] ECR 629;
7. Дело 149/77 Defrenne v. Sabena [1978] ECR 1365;
8. Дело 294/83 Parti Ecologiste 'Les Verts' v. EP [1986] ECR 1339;
9. Дело C-70/88 European Parliament v. Council [1990] ECR I – 2041;
10. Дело C-176/03 Commission v. Council [2005] ECR I-7879;
11. Дело C-159/90 SPUC v. Grogan [1991] ECR-4685;
12. Аكوпова И.Г., Водолагин С.В., Толстопятенко Г.П., Энтин Л.М. Суд Европейских Сообществ. Избранные решения. М., 2001. – 400 с.;
13. Бирюков М.М. «Европейское право: до и после Лиссабонского договора». Учебное пособие. – М.: Статут, 2013. – 240 с.;
14. Бирюков М.М. Европейское право – М.: Омега-Л, 2006. – 128 с.;
15. Бирюков М. М. Европейская интеграция: международно-правовой подход-М.: Научная книга, 2004. – 206 с.;
16. Толстопятенко, Г. П. Право Европейского Союза, Российская юстиция, 2003. – 71 с.;
17. A. Arnall, “Does the Court of Justice have Inherent Jurisdiction?” (1990) 27 CML Rev. – C. 683 – 708;
18. A. Arnall, “Owning Up to Fallibility: Precedent and the Court of Justice” (1993) 30 CML Rev. – 247 с.;
19. K. Bradley, “Sense and Sensibility: Parliament v Council Continued” (1991) 16 EL Rev. – 245 с.;
20. G.A. Caldeira and J.L. Gibson, “The Legitimacy of the Court of Justice in the European Union: Models of Institutional Support” (1995) 89 American Political Science Review. – 356 с.;
21. L. Gormley, “Case Study of Torfaen Borough Council v. B & Q plc” (1990) 27 CML Rev. – C. 141-150;
22. J. Coppel и O. O’Neill, “The ECJ: Taking Rights Seriously?” (1992) 14 Legal Studies. – C. 243 – 245;
23. P. Craig and G. de Búrca, “EU Law: Text, Cases and Materials” 5th Edition (OUP, 2011). – 1320 с.;
24. A. Dashwood et al., “The Developing Role of the ECJ” (London: European Policy Forum, 1995). – 40 с.;
25. F. Jacobs, “Is the Court of Justice of the European Communities a Constitutional Court?” в D. Curtin and D. O’Keeffe (eds.) “Constitutional Adjudication in European Community and National Law”(Butterworths, Ireland), 1992. – C. 25 – 32;
26. T. C. Hartley, “The Foundations of European Community Law” (Oxford: OUP, 6th Edition, 2007). – 472 с.;
27. T.C. Hartley, “Constitutional Problems of the European Union” (Hart Publishing, 1999). – 224 с.;
28. M. Hedemann – Robinson “The EU and Environmental Crime: The Impact of the ECJ’s Judgment on Framework Decision 2005/667 on Ship-Source Pollution” (2008) 20 (2) Journal of Environmental Law. – C. 279 – 292;
29. Sir Patrick Neill, “The European Court of Justice: A Case Study in Judicial Activism” (London: European Policy Forum, 1995). – C.54;
30. D. O’Keeffe, «Judicial protection of the individual by the ECJ» (1996) Fordham International Law Journal. – C.901-914;
31. H. Rasmussen, “Towards a Normative Theory of Interpretation of Community Law” University of Chicago Legal Forum 1992. – C.135;
32. H. Rasmussen, “On Law and Policy of the ECJ: A comparative study in Judicial Policymaking” (Martinus Nijhoff, 1986). – 578 с.;
33. H. Rasmussen, “European Court of Justice” (Copenhagen: Galdjuva, 1998. – 412 с.;
34. H. Schulz, “The Political Foundations of Decision Making by the European Court of Justice” (2005) 99 Am. Soc’y Int’l. L. Proc. – C. 132;

35. S. Douglas Scott, "Constitutional Law of the European Union" (2002) 1st Edition, (Longman: Pearson). – C.208-210;
36. S. Stadlmeier, "Milestones on the Road to Keck" (2006) CYELP. – C. 55-58;
37. T. Tridimas, "The Court of Justice and Judicial Activism" (1996) 21 ELR. – C. 199 – 210;
38. J.H.H. Weiler, "Pride and Prejudice – Parliament v. Council" (1989) 14 EL Rev. – C. 334-346;
39. J.H.H. Weiler, "The Court of Justice on Trial" (1987) CML Rev. – C.555-589;
40. J. Weiler, "Epilogue: The Judicial Après Nice", in G. de Burca and J. Weiler (eds.), "The European Court of Justice" (OUP, 2002). – C.215-226.

References (transliterated):

1. Akopova I.G., Vodolagin S.V., Tolstopyatenko G.P., Entin L.M. Sud Evropeiskikh Soobshchestv. Izbrannye resheniya. M., 2001. – 400 s.;
2. Biryukov M.M. «Evropeiskoe pravo: do i posle Lissabonskogo dogovora». Uchebnoe posobie. – M.: Statut, 2013. – 240s.;
3. Biryukov M.M. Evropeiskoe pravo – M. : Omega-L, 2006. – 128 s.;
4. Biryukov M. M. Evropeiskaya integratsiya: mezhdunarodno-pravovoi podkhod – M.: Nauchnaya kniga, 2004. – 206 s.;
5. Tolstopyatenko, G. P. Pravo Evropeiskogo Soyuzha, Rossiiskaya yustitsiya, 2003. – 71 s.;
6. A. Arnall, "Does the Court of Justice have Inherent Jurisdiction?" (1990) 27 CML Rev. – S. 683 – 708;
7. A. Arnall, "Owning Up to Fallibility: Precedent and the Court of Justice" (1993) 30 CMLRev. – 247 s.;
8. K. Bradley, "Sense and Sensibility: Parliament v Council Continued" (1991) 16 EL Rev. – 245 s.;
9. G.A. Caldeira and J.L. Gibson, "The Legitimacy of the Court of Justice in the European Union: Models of Institutional Support" (1995) 89 American Political Science Review. – 356 s.;
10. L. Gormley, "Case Study of Torfaen Borough Council v. B & Q plc" (1990) 27 CML Rev. – S. 141-150;
11. J. Coppel i O. O'Neill, "The ECJ: Taking Rights Seriously?" (1992) 14 Legal Studies. – S. 243 – 245;
12. P. Craig and G. de Búrca, "EU Law: Text, Cases and Materials" 5th Edition (OUP, 2011). – 1320 s.;
13. A. Dashwood et al., "The Developing Role of the ECJ" (London: European Policy Forum, 1995). – 40 s.;
14. F. Jacobs, "Is the Court of Justice of the European Communities a Constitutional Court?" v D. Curtin and D. O'Keefe (eds.) "Constitutional Adjudication in European Community and National Law"(Butterworths, Ireland), 1992. – S. 25 – 32;
15. T. C. Hartley, "The Foundations of European Community Law" (Oxford: OUP, 6th Edition, 2007). – 472 s.;
16. T.C. Hartley, "Constitutional Problems of the European Union" (Hart Publishing, 1999). – 224 s.;
17. M. Hedemann – Robinson "The EU and Environmental Crime: The Impact of the ECJ's Judgment on Framework Decision 2005/667 on Ship-Source Pollution" (2008) 20 (2) Journal of Environmental Law. – S. 279 – 292;
18. Sir Patrick Neill, "The European Court of Justice: A Case Study in Judicial Activism" (London: European Policy Forum, 1995). – S.54;
19. D. O'Keefe, «Judicial protection of the individual by the ECJ» (1996) Fordham International Law Journal. – S.901-914;
20. H. Rasmussen, "Towards a Normative Theory of Interpretation of Community Law" University of Chicago Legal Forum 1992. – S.135;
21. H. Rasmussen, "On Law and Policy of the ECJ: A comparative study in Judicial Policymaking" (Martinus Nijhoff, 1986). – 578 s.;
22. H. Rasmussen, "European Court of Justice" (Copenhagen: Galdjuva, 1998. – 412 s.;
23. H. Schulz, "The Political Foundations of Decision Making by the European Court of Justice" (2005) 99 Am. Soc'y Int'l. L. Proc. – S. 132;
24. S. Douglas Scott, "Constitutional Law of the European Union" (2002) 1st Edition, (Longman: Pearson). – S.208-210;
25. S. Stadlmeier, "Milestones on the Road to Keck" (2006) CYELP. – S. 55-58;

26. T. Tridimas, “The Court of Justice and Judicial Activism” (1996) 21 ELR. – S. 199 – 210;
27. J.H.H. Weiler, “Pride and Prejudice – Parliament v. Council” (1989) 14 EL Rev. – S. 334-346;
28. J.H.H. Weiler, “The Court of Justice on Trial” (1987) CML Rev. – S.555-589;
29. J. Weiler, “Epilogue: The Judicial Après Nice”, in G. de Burca and J. Weiler (eds.), “The European Court of Justice” (OUP, 2002). – S.215-226.